

Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика

Алексей Строителев

Настоящая статья открывает цикл публикаций по смежным вопросам, весьма актуальным для современной политической и правоохранительной практики и касающимся основ правового оформления деятельности институтов государственной власти, а также порядка реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях совершения насильственных посягательств на национальную безопасность Российской Федерации.

Автор анализирует систему источников права вооруженных конфликтов и дает их современную правовую характеристику, раскрывает основные теоретические и методологические подходы к пониманию сущности, содержания и использованию принципов права вооруженных конфликтов как самостоятельной отрасли международного гуманитарного права, исследует природу, значение и основополагающие виды (формы) государственного принуждения как меры ответного и превентивного воздействия Российской Федерации в лице уполномоченных органов государственной власти на широкий круг субъектов насильственных посягательств на ее национальную безопасность.

Редакция

СТРОИТЕЛЕВ Алексей Николаевич – кандидат юридических наук. E-mail: boretz.alexandr@yandex.ru

Ключевые слова: право; вооруженные конфликты; правовая характеристика; Гаагские и Женевские Конвенции; комбатанты; военнопленные; средства и методы ведения войны.

Исследования норм права вооруженных конфликтов, проведенные российскими и зарубежными учеными-юристами, позволяют сделать важный теоретический вывод о том, что воюющие стороны всегда ограничены в выборе средств и методов ведения войны¹.

Этот принцип впервые был закреплен в ст. 22 Положения о законах и обычаях сухопутной войны, которая является приложением к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (далее – Положение), а также ст. 35 Дополнительного протокола, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. В частности, п. «а», «б», «в» ст. 23 Положения 1907 г. закрепляют абсолютные запреты, которые недопустимо нарушать со ссылкой на военную необходимость, – употреблять яд или отравленное оружие, убивать или ранить гражданских лиц, убивать или ранить неприятеля, который сложил оружие, и т. д.

Вместе с тем право вооруженных конфликтов содержит нормы, регулирующие выход за определенные рамки со ссылкой на военную необходимость. Однако количество таких норм строго ограничено. Среди них п. «ж» ст. 23, ст. 54 Положения 1907 г., ст. 33 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г., ст. 53 Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны 1949 г., ст. 126 Женевской конвенции о режиме военнопленных и некоторые другие.

Убедительными представляются выводы известных правоведов

А.И.Полторака и Л.И.Савинского относительно взаимосвязи перечисленных норм международного права с военной необходимостью. Они отмечают, что ссылка на военную необходимость возможна в тех исключительных случаях, когда это предусмотрено в конкретных нормах². Другими словами, ссылка на обоснования военной необходимости должна соответствовать именно тем условиям, которые для каждой ситуации определены конвенциями.

Вполне справедливо отметить, что при этом в ряде случаев на сторону, прибегающую к ссылкам на военную необходимость, возлагаются дополнительные специальные обязательства. Наиболее отчетливо такие обязательства закреплены в ст. 11 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. Указанная статья, в частности, предусматривает, что объект может быть лишен иммунитета в исключительных случаях неизбежной военной необходимости и лишь до тех пор, пока существует эта необходимость. Это должно быть подтверждено «воинскими начальниками, начиная только от командира дивизии или части, соответствующей дивизии и выше». Далее, сторона, которая снимает иммунитет, письменно с указанием причин информирует об этом Генерального комиссара ООН по культурным ценностям.

Представляется важным особо подчеркнуть, что термины «настоятельная необходимость», «крайняя необходимость», «абсолютная необходимость», «в виде исключения и в течение ограниченного времени» в международно-правовых докумен-

тах не определены в нормативном порядке.

Отсюда следует, что государствам-участникам конвенций в национальном законодательстве целесообразно не только закрепить данные категории, но и детализировать их (выработать понятия, оценочные критерии) с целью эффективного использования категорий права вооруженных конфликтов в правоприменительной и правоохранительной деятельности соответствующих государственных органов. Кроме того, государствам – участникам данных конвенций следовало бы разработать единые унифицированные оценочные критерии указанных терминов для определения общей позиции по конкретным вопросам в период вооруженного конфликта и закрепить их в нормах международного права. И, наконец, ссылка на военную необходимость допускается лишь тогда, когда речь идет о чрезвычайной опасности, создаваемой для материальных, культурных и других ценностей, и не может распространяться на ситуации, связанные с созданием дополнительной угрозы для жизни и здоровья людей.

Таким образом, поскольку нормы международного права направлены на всемерное ограничение насилия в сфере вооруженной борьбы, можно считать, что главным моментом, характеризующим природу и содержание норм права вооруженных конфликтов, является его гуманистическая направленность².

Переломным моментом в формировании норм права вооруженных конфликтов стало принятие 1-й Гаагской конференцией мира 1899 г.

(подтвержденной впоследствии 2-й Гаагской конференцией мира 1907 г.) Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны.

Эта Конвенция закрепила положение о том, что армия, ополчения и добровольческие отряды находятся под защитой ее норм, если:

- имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- имеют определенный и явно видимый отличительный знак;
- открыто носят оружие; соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ее ст. 2 определяет, что сражающимся считается также население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие, открыто будет носить его, соблюдать законы и обычаи войны.

Специальный раздел названной Конвенции посвящен военнопленным. В частности, в нем закрепляется, что комбатант в случае его захвата неприятелем пользуется правами военнопленного. Основным критерий, определяющий правовое положение военнопленного, закреплен в ст. 4: военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

Гаагская конвенция подтвердила Женевскую конвенцию 1864 г. и в ст. 22 закрепила важный для всего мирового сообщества принцип: «Воюющие не пользуются неограниченным правом выбора средств нанесения вреда неприятелю». Более того, конвенция детализирует данный принцип, закрепляя в качестве недопустимых употребление яда, убий-

ство или нанесение увечья населению и военнослужащим, объявление, что никому не будет пощады, и т. д.

Конвенция регулирует вопросы собственности, закрепляя, что оккупирующая держава не является собственником, а обладает лишь правом управления и пользования по отношению к государственному имуществу и обязана его сохранять.

Положения этой Конвенции получили дальнейшее закрепление в многочисленных международно-правовых документах³.

Исключительно важное место среди источников права вооруженных конфликтов занимают международно-правовые акты, принятые на второй Гаагской конференции мира.

Итогом работы этой конференции стало принятие 18 октября 1907 г. таких международно-правовых документов, как:

- Конвенция (I) о мирном решении международных столкновений;
- Конвенция (II) об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам;
- Конвенция (III) об открытии военных действий;
- Конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны с прилагаемым к ней Положением (Гаагское положение) о законах и обычаях сухопутной войны;
- Конвенция (V) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны;
- Конвенция (VI) о статусе судов торгового флота противника в начале военных действий;
- Конвенция (VII) о преобразовании судов торгового флота в военные корабли;
- Конвенция (VIII) о постановке подводных, автоматических взрывающихся от соприкосновения мин;
- Конвенция (IX) о бомбардировании морскими силами во время войны;

– Конвенция (X) о применении начал Женевской конвенции 1864 г. к морской войне;

– Конвенция (XI) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне;

– Конвенция (XIII) о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны.

До принятия в 1899 г. Декларации об обязательстве не употреблять снаряды, распространяющие удушливые и вредоносные газы (в рамках Первой Гаагской конференции мира), предпринимались неоднократные попытки дальнейшего нормативного закрепления недопустимости употребления отравляющих газов в период войны. И только после Первой мировой войны в ст. 171 Версальского мирного договора от 28 июня 1919 г. стороны условились, что употребление на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, жидкостей, веществ и способов запрещено, и постановили, что производство и ввоз их в Германию строго воспрещается. Аналогичные положения были включены в другие мирные договоры 1919 г. и в Берлинский договор между США и Германией от 25 августа 1921 г.³

17 июня 1925 г. был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Государства заявили, что, поскольку они не состоят участниками договора 1921 г., признают это запрещение и соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу.

СССР присоединился к протоколу 2 декабря 1927 г., а 5 апреля 1928 г.

сдал на хранение свою ратификационную грамоту. В специальном протоколе зафиксированы обоснованные и актуальные для безопасности СССР того исторического периода оговорки к Протоколу 1925 г., а именно: он обязывает Правительство СССР только по отношению к государствам, которые его подписали, ратифицировали или окончательно к нему присоединились, Протокол перестает быть обязательным для Правительства СССР в отношении всякого неприятельского государства, вооруженные силы которого, а также формальные или фактические союзники не будут считаться с воспрещением, составляющим предмет Протокола⁴.

Для дальнейшего исследования вопроса о формировании источников рассматриваемой отрасли права целесообразно обратиться к позиции российского ученого В.В. Пустогарова, который справедливо отмечает, что первоначально, в период формирования отрасли права вооруженных конфликтов, развитие и исследование источников пошло по пути выделения в отдельную группу Женевских конвенций, отличных от Гаагских. Длительное время Гаагские конвенции именовались «правом Гааги», а Женевские конвенции «правом Женевы». Но постепенно право вооруженных конфликтов выделялось в самостоятельную отрасль международного права⁵.

Важную роль в этом становлении сыграли две Женевские Конвенции 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и о режиме военнопленных. Конвенции устанавливали, что раненые и

больные противника после выздоровления получали статус военнопленных. Участники конвенции заявили о необходимости принимать различные меры, связанные с ответственностью своих граждан за нарушения норм гуманитарного права. Указанные международно-правовые документы содержали также новые требования, связанные с необходимостью соблюдения норм Конвенции всеми, а не только участниками конфликта, освобождении медицинского персонала противника, в частности, в случае его захвата.

После Второй мировой войны мировое сообщество вновь вернулось к проблемам правового регулирования вооруженных конфликтов. Была необходима новая, отвечающая современным общественным отношениям система правовых норм.

Эту задачу выполнили четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним 1977 г. Все прошедшие с того времени современные международные и внутренние вооруженные конфликты убедительно подтверждают значимость указанных международно-правовых документов.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женевская конвенция I) закрепила и структурировала нормы, регулирующие правовое положение раненых и больных, санитарных формирований и учреждений: санитаров, обеспечивающих розыск и подбор, транспортировку раненых и больных; санитарного транспорта, а также использование отличительной эмблемы.

Женевская конвенция I подтверждает норму «Гаагского права» о том,

что постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования не могут быть подвергнуты нападению ни при каких условиях. Ст. 22 дополняет это правило и устанавливает, что личный состав санитарного формирования в целях защиты раненых и больных может быть вооружен. Охрана санитарного учреждения может осуществляться пикетом, часовыми или конвоем. Главным представляется требование о недопустимости нападения на санитарное подразделение.

Документ устанавливает, что воюющие стороны примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать мертвых и установить их личность, стороны проследят, чтобы умершие были погребены с честью, с соблюдением обрядов религии, а могилы отмечены таким образом, чтобы их всегда можно было разыскать. Однако эта правовая норма не может быть прямо соотнесена с действующими нормами национального законодательства. Так, например, российское законодательство предполагает анонимные захоронения лиц, причастных к террористической деятельности, погибших при оказании вооруженного сопротивления федеральным силам.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женевская конвенция III) подробно регламентирует правила обращения с военнопленными с момента попадания в плен до репатриации из плена. В ней закреплены правила в отношении личных вещей военнопленного, создания лагерей для военнопленных, их интернирования, питания, одежды, гигиены и медицинской помощи, медицинского и духовного персона-

ла для военнопленных, правила об отправлении религиозных обрядов.

Специальные статьи посвящены дисциплине в лагерях, сохранению воинских званий, привлечению военнопленных к работам и оплате этого труда, сношения военнопленных с внешним миром.

Особая часть Конвенции рассматривает взаимоотношения военнопленных с оккупационными властями. Она содержит правила подачи жалоб по поводу режима плена, причем военнопленные (кроме лагерей для офицеров) каждые шесть месяцев избирают доверенных лиц, которые представляют их интересы. В офицерских лагерях таковым является старший по званию⁵.

Рассматриваемая Конвенция подробно регламентирует наложение уголовных и дисциплинарных взысканий.

В ст. 82 говорится: «Военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащей в плену Державы». Другие нормы устанавливают недопустимость коллективных наказаний за индивидуальные проступки, телесных наказаний, лишения дневного света. Более того, нормы Женевской конвенции III ориентируют воюющих в каждом конкретном случае рассматривать возможность замены судебного преследования и наложения уголовного наказания мерами дисциплинарного взыскания.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женевская конвенция IV) подтверждает необходимость защиты медицинского и духовного персонала, раненых, больных, женщин и

детей, а также любых гражданских лиц.

Женевская конвенция IV устанавливает, что гражданскими лицами являются все лица, которые не входят в состав вооруженных сил. Нормы конвенции закрепляют строжайшие запреты на использование гражданского населения в качестве прикрытия от нападения неприятеля. Запрещены также коллективные наказания гражданских лиц, меры запугивания и террора населения, ограбление, взятие заложников и репрессалии в отношении гражданского населения.

Специально подчеркивается недопустимость оказания физического и морального воздействия на гражданских лиц с целью получения от них или от третьих лиц различных сведений.

Значительное место Конвенция отводит вопросам интернирования.

Подробно рассматриваются урегулированные нормы, связанные с местами интернирования, питанием, одеждой, гигиеной, отправлением религиозных обрядов, интеллектуальной и физической деятельностью, перемещением интернированных, их наказанием и т. д. В частности, закрепляется, что интернированные, пойманные после побега или при попытке к побегу, подлежат за этот проступок только дисциплинарному взысканию, даже в случае рецидива. Кроме того, побег или попытка побега не рассматривается как отягчающее вину обстоятельство.

Конвенция ориентирует государства на создание Справочных Бюро с целью сбора сведений о лицах, находящихся в заключении более двух

недель, принудительно поселенных в определенном месте или интернированных, а также сведений о перемещении, освобождении, репатриации, побеге, госпитализации, рождении и смерти.

Представляется, что важное значение имеет то обстоятельство, что при подписании четырех Женевских конвенций 1949 г. Правительство СССР сделало определенные оговорки. Смысл этих оговорок заключается в том, что СССР (а с 1991 г. Российская Федерация) не будет признавать законным обращение Державы, во власти которой находятся лица, пользующиеся защитой, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции Державы-Покровительницы, если на это не имеется согласия государства, гражданами которого являются эти лица⁶.

К ак известно, в 1977 г. в результате большой нормотворческой работы были приняты два Дополнительные протокола к Женевским конвенциям 1949 г.

Форма дополнительного протокола для этих документов была избрана неслучайно. Они имеют силу только для тех государств, которые их подписали и ратифицировали. Дополнительные протоколы не обязательны для стран, их не подписавших. Последние остаются связанными только положениями Женевских конвенций. Эти протоколы следует рассматривать как уточнение и дополнение Женевских конвенций, в них решаются новые вопросы, а также те вопросы, которые были недостаточно урегулированы в Женевских конвенциях. С помощью прото-

колов устранен искусственный, не соответствующий современным условиям разрыв между нормами, гарантирующими защиту жертв войны, и нормами, которые касаются средств ведения войны⁷.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

Подобно Женевским конвенциям Протокол I обязывает воюющих соблюдать его и обеспечивать его соблюдение. Протокол применяется к ситуациям вооруженного конфликта международного характера. Эти ситуации включают также национально-освободительные войны.

Рассматриваемым документом нормативно закреплены определения, имеющие важное значение для права вооруженных конфликтов, среди которых: «раненые» и «больные», «лица, потерпевшие кораблекрушение», «медицинский персонал», «медицинские формирования», «санитарная перевозка», «санитарно-транспортные средства», «санитарные суда», а также определены функции Державы-Покровительницы.

Протокол I, подтверждая принципы ранее принятых документов, устанавливает, что право сторон выбирать методы или средства войны не является неограниченным. Исходя из этого, воюющим запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания, а также обширный долговременный и серьезный ущерб природной среде. Значительная по объему статья закрепляет недопустимость вероломства.

Под вероломством в протоколе понимаются действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника, заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия.

Примерами вероломства могут являться обманные действия, направленные на ведение переговоров под видом перемирия или капитуляции с целью подготовки и проведения широкомасштабной войсковой операции, нанесение противнику существенного урона в живой силе и материальных средствах, а также использования знаков, эмблем, форменной одежды ООН, нейтральных или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте, с целью нанесения внезапного поражения противнику, который не готов к боевым действиям.

По смыслу ст. 37 Протокола I приведенный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен при дальнейшей разработке и детализации норм права вооруженных конфликтов на межгосударственном и национальном уровнях.

Так, например, в качестве квалифицирующего признака вероломства целесообразно закрепить также противоправность использования в массовом порядке или отдельными войсковыми подразделениями военной формы противника при непосредственном ведении военных действий, а также в тылу.

От вероломства следует отличать военные хитрости, которые применяются с целью введения противника в заблуждение и не нарушают норм международного права, поскольку не обманывают доверие другой воюющей стороны в отношении предоставляемой защиты. К таким

военным хитростям могут быть отнесены использование маскировки, дезинформация, проведение военно-оперативных игр, тактических маневров и т. д.

Впервые в международно-правовых документах в указанном Протоколе приводится подробная разработка положений о гражданской обороне и выделяется ее 15 задач: оповещение, эвакуация, спасательные работы, борьба с пожарами, восстановление и поддержание порядка в районах бедствия, а также проведение других организационных мероприятий. Подчеркивается, что организации гражданской обороны и их персонал пользуются уважением и защитой.

Данный раздел представляется достаточно актуальным, так как от четкости и слаженности действий служб гражданской обороны зависит своевременное оповещение и эвакуация в бомбоубежище, обеспечение продовольствием, недопущение распространения пожаров, инфекций и т. п.

Особо важное значение имеет также приведенное в Протоколе четкое определение характеризующих особенностей шпиона и наемника. При этом однозначно устанавливается, что они не имеют права на статус комбатанта или военнопленного.

Значительное место в прогрессивном развитии права вооруженных конфликтов занимают нормы, устанавливающие меры по защите женщин и детей, а также требующие от разработчиков новых видов оружия и способов военных действий определить, не подпадает ли их применение под запрещения, содержащиеся в Протоколе I и других нормах международного права.

Вместе с тем сфера действия Протокола I не распространялась на ситуации, связанные с внутренними вооруженными конфликтами.

Поэтому в 1977 г. был принят Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Он состоит из 28 статей и применяется в вооруженном конфликте, происходящем на территории какого-либо государства между вооруженными силами и антиправительственными вооруженными подразделениями. В нем, в частности, закреплены основные гуманитарные гарантии для всех лиц, которые принимают или прекратили принимать участие в военных действиях.

Протокол II по сфере действия, разработанности и объему значительно отличается от Протокола I. Вместе с тем он устранил существовавший пробел в регулировании общественных отношений, связанных с военными действиями на территории какого-либо суверенного государства. Это напрямую относится и к крупномасштабным контртеррористическим операциям по пресечению противоправной деятельности незаконных вооруженных и бандитских формирований, что весьма актуально для Российской Федерации.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день все виды вооруженных конфликтов охвачены правовым полем, т.е. правом вооруженных конфликтов.

Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные Протоколы к ним 1977 г. составляют основу современного права вооруженных конфликтов.

Принципиальное значение имеет тот факт, что участниками Женевских конвенций 1949 г. стали практически все члены мирового сообщества.

В настоящее время их ратифицировали свыше 190 государств.

Протокол I ратифицирован около 150, а Протокол II – 140 государствами.

Нормы, регулирующие денонсирование указанных международно-правовых актов, закреплены в ст. 63 Женевской конвенции I, ст. 62 Же-

невской конвенции II, ст. 142 Женевской конвенции III, ст. 158 Женевской конвенции IV и ст. 99 Протокола I. В указанных статьях, в частности, отмечается, что заявление о денонсации для воюющей державы не будет иметь силы до заключения мира, освобождения, репатриации и возвращения к месту жительства лиц, пользующихся покровительством этих международно-правовых документов.

Примечания

- ¹ Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Сэмс К.И. Террористические акты, «терроризм» и соблюдение международного гуманитарного права. Перспективы деятельности МККК. Спец. вып. СПб.: Россия-Нева, 2003. С. 31–35.
- ² Полторац А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М.: Международные отношения, 1976. С. 98, 98–99.
- ³ Оппенгейм Л. Международное право. В 2-х томах. М.: ИЛ, 1949. Т. 1. С. 348, 349.
- ⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: НКВД СССР, 1930. Вып. 5. С. 5.
- ⁵ Пустогаров В.В. Международное гуманитарное право. М., 1997. С. 10, 20.
- ⁶ Международное право в документах / сост. Л.А.Моджорян, В.К.Собакин. М.: ИМО. 1957. Т. 3. С. 111, 112, 185, 205, 206, 261.
- ⁷ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженные конфликты: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989. С. 67.